

Język poza granicami języka 2

Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo

Tom 1. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne

Pod redakcją
Aleksandra Kiklewicza

ЕЛЕНА ПЧЕЛИНЦЕВА

Черкасский государственный технологический университет

Семантика и прагматика транспозиции

Отглагольное имя существительное со значением действия — это особое синкретичное образование, совмещающее свойства имени и глагола, идею пространства и идею времени, что само по себе дает чрезвычайно плодотворные возможности как для исследования содержания и структуры отглагольных и именных категорий в разных языках, так и для решения разнообразных общетеоретических проблем, в том числе — проблемы соотношения семантических и прагматических параметров в процессе транспозиции.

Именная форма выражения действия неизосемична содержанию, вторична. Возникает вопрос: для чего языку понадобились такие гибриды? Почему говорящий, имея в распоряжении понятный глагол с понятными категориальными значениями, в определенных ситуациях отдает предпочтение отглагольному имени действия — образованию с более размытой семантикой?

Можно предположить, что здесь вступает в действие прагматика. Формируя и формулируя смысл высказывания, говорящий производит ряд выборов, выделяя и усиливая более важную информацию и затушевывая менее значимую. Коммуникативно важные смыслы получают наиболее полную эксплицитную реализацию, менее значимые понижаются в ранге, их пропозиционные структуры редуцируются. Этот языковой механизм М. Бергельсон и А. Кибрик назвали прагматическим принципом приоритета, подчеркнув, что приоритетные стратегии речевой деятельности оказывают заметное влияние на форму грамматики естественных языков (Бергельсон/Кибрик 1987, 354).

Конструкции с интересующими нас отглагольными именами действия являются одним из таких удобных средств редукции пропозициональной

структуры. Само существование этого специфического разряда — отглагольного имени действия — детерминировано прагматическими факторами: намерением показать или «спрятать» субъект и/или объект действия, экономией языковых усилий, компрессией содержания. Вступают в действие и стилистические факторы (желание придать высказыванию больше книжности, официальности), и языковая игра, и эмоциональное окрашивание высказывания и т.д. В работе Korytkowska/Maldziewa 2002 выделено семь функций номинализации; не вступая в данном случае в дискуссию, в дальнейшем изложении мы ссылаемся на те из них, которые наиболее существенны с точки зрения темы нашей работы.

Важным в этом случае является то, что этот процесс сопровождается утратой определенных глагольных категориальных значений, упрощением семантики. Наша исходная гипотеза заключается в следующем: семантические и прагматические параметры в разных подсистемах языков и в разных языках сбалансированы между собой, находятся в определенном соотношении: при усилении (увеличении) одной составляющей, ослабляется или уменьшается другая.

Во вступительной статье к сборнику «Новое в зарубежной лингвистике» (1985) Е. Падучева и Н. Арутюнова писали о том, что область лингвистической прагматики не имеет четких контуров. Единого подхода к толкованию этого термина в лингвистике не существует и сегодня. Не углубляясь в анализ современных интерпретаций интересующего нас термина, заметим очевидное: при попытке отделить семантическое и прагматическое неизбежно возникает проблема: далеко не всегда можно четко различить то, ЧТО говорит человек от того, ЗАЧЕМ он это говорит. Разделение семантики и прагматики само по себе достаточно условно (особенно, если мы говорим о прагматике с точки зрения говорящего), скорее можно говорить о прагматическом компоненте (аспекте) семантики. См по этому поводу также Кибрик/Бергельсон:

В семантическом представлении высказывания должна отражаться вся информация, имеющая отношение к правильной интерпретации этого высказывания. В связи с этим противопоставление семантики и прагматики нам кажется неправомерным (1987, 350).

Если все же попытаться разделить и противопоставить эти понятия, то семантика неизбежно сужается до референции к ситуации, прагматике же остается остальная область значений. Именно в таком понимании — чтобы не загромождать текст дополнительными рассуждениями — мы и будем употреблять термины «семантика» и «прагматика» в дальнейшем изложении.

Итак, если согласиться с прагматическим принципом приоритета, то следует признать, что в языках вырабатываются соответствующие средства, максимально приспособленные для реализации приоритетных стратегий в речи. При этом в процессе вербализации речевой интенции в разных языках один и тот же смысловой компонент, принадлежащий к разным

статус: выделенный грамматический или периферийный. Это значит, что наиболее значимые смыслы — и в общезыковом плане и в плане конкретного речевого акта — получают полную, развернутую, эксплицитную реализацию (например, пропозиция выражается полным простым предложением), а менее важные — редуцируются, имплицитуются, грамматически и прагматически уходят на второй план (например, пропозиция выражается причастными или деепричастными оборотами, приглагольными и приименными определителями и т.д.). Это зависит как от навязанных языком структур, так и от выбора говорящего. С нашей точки зрения, прагматический компонент появляется тогда, когда появляется выбор, когда употребление той или иной языковой формы — интенционально. Мы можем сказать «рабочие строят дом», «дом строится», «строю дом», «стройка дома» — выбор конструкции зависит от коммуникативной цели, фокуса внимания. Выбора может не быть там, где он реально есть, только в том случае, когда говорящий не знает о существовании другого, синонимичного средства. В случае с девербативом такой вариант сомнителен: носитель языка, делающий выбор в пользу именной формы выражения предиката, вряд ли может не знать о существовании соответствующего глагола. Поэтому представляется закономерным следующее:

Транспозиция находит свое место в рамках проблемы интенциональности, которая, по отношению к грамматическим категориям, понимается как связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего (Ремчукова 1997, 155).

На наш взгляд, прагматику имени действия можно условно разделить на два уровня: во-первых, можно говорить о прагматике самого девербатива как компонента языковой системы, во-вторых — о прагматике его употребления. В первом случае речь идет об очевидном удобстве (экономичности) такого языкового средства и принципиальной маркированности его формы (обусловленной прежде всего неизосемичностью формы и содержания языковой единицы). Во-втором — о речевых функциях имени действия на уровне предложения и текста.

Рассмотрим речевые ситуации, в которых говорящий отдаст предпочтение именной форме выражения действия. На уровне предложения употребление отглагольного имени на месте глагола может быть обусловлено компрессией содержания — прежде всего в тех случаях, когда есть возможность его однозначного восстановления (пример 1), нежеланием говорящего указывать субъект или объект действия по причине его коммуникативной незначительности (примеры 2-3) или напротив — желанием затушевать значимое, оставить его недосказанным (пример 4):

(1) Признаки болезни моей меня сильно утрашили: сверх исхудания необыкновенного — боли во всем теле (Гоголь).

- (2) Со второй половины XIX века искусство вышивания постепенно выходит за пределы домашнего ремесла (Гасюк).
- (3) Мастерством кистевой росписи в здешних селах не удивить (Дубинская).
- (4) На форуме обсуждалось, как обеспечивается сохранение (кем?) принципа верховенства права в условиях, когда мир подвергается постоянным угрозам (со стороны кого, каким угрозам?) (Коновалов).

На уровне текста отглагольные имена используются как средство когезии — чтобы обеспечить связность и в то же время избежать излишних повторов (пример 5), как средство текстовой прогрессии — для развития мысли (пример 6), а также выполняют коммуникативную функцию тематизации — «*znominolizowany predykat staje się kandydatem na temat*» (Jędrzejko 1993, 41):

- (5) Недалеко стоял город Любутск... Ой, не любо то было Олегу. Хорошо б так постоять, чтоб никто не сведал о том постое (Бородин).
- (6) С семи часов утра на «Орле» начиналась уборка. Мыли палубу, чистили медные части... (Новиков-Прибой).

Отдельного внимания заслуживает стилистическая функция девербатов — создание торжественности, подчеркивание значимости события, усиление официального характера сообщения (примеры 7-10):

- (7) Шабашкин отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостливое заступление (Пушкин). Ср.: за то, что он милостливо заступился.
- (8) Имею честь поздравить вас с начатием дела. — Хозяева поклонились (Н. Успенский). Ср.: тем, что вы начали дело.
- (9) Событие это — оставление Москвы и сожжение ее — было так же неизбежно, как и отступление войск без боя за Москву после Бородинского сражения (Л. Толстой). Ср.: то, что Москву оставили и сожгли.
- (10) Занимался по поводу факта хищения чемодана у подданного иностранной державы (Кожевников). Ср.: по поводу того, что похитили чемодан.

Еще одно стилистическое предназначение отглагольных существительных со значением действия — создание поэтического образа, эмоционального окрашивания высказывания (примеры 11-13)

- (11) Но вот петухи начинали пугаться
Потемок и силились скрыть перепуг (Пастернак).
- (12) Декабрь веревки вил, канатчик,
Из тел, и руки в дуги гнул,
Середь двора; когда посул
Свобод прошел, и в стане стачек
Стоял годами говор дул (Пастернак).

Однако этот прагматически мотивированный процесс номинализации глагола сопровождается явно выраженными семантическими изменениями. В

категориальной семантики: является ли девербатив глагольной формой, какие глагольные категории сохраняет, а какие утрачивает, как влияет редукция глагольности на функциональные свойства имен и пр. Отглагольные имена действия в русском и польском языках, как и все имена существительные, имеют грамматическое значение субстанциональности, стандартный набор грамматических категорий и синтаксических функций, но, в то же время, сохраняют ряд грамматических дифференциальных признаков мотиватора.

Глагольности польских и русских имен действия посвящены многочисленные исследования. В частности, способность русских девербативов сохранять глагольные залоговые и временные значения неоднократно обсуждалась в работах О. Есперсена, Н. Арутюновой, размышления о видовых значениях находим в работах В. Виноградова, Н. Хомского, Л. Теньера, о способности девербативов выражать таксисные отношения пишет Г. Золотова и т.д. Особенности репрезентации глагольных признаков в польских отглагольных дериватах рассматриваются в работах польских исследователей: Р. Гжегорчиковой, Я. Пузыниной, Э. Енджейко, Я. Токарского, Г. Вертуляни и др. (см.: Jędrzejko 2011). В самом общем виде разницу между польскими и русскими девербативами можно сформулировать следующим образом: в русском языке образование имен действия, во-первых, нерегулярно, во-вторых, сопровождается утратой важных семантических компонентов. В польском языке ситуация иная: почти любой глагол может быть номинализирован, при этом большая часть его категориальных значений сохраняется. Поскольку нас интересует степень сохранения глагольной семантики, рассмотрим вопрос подробнее.

Есть мнение, что имя существительное — «неотмеченная категория среди частей речи», «открытая область», не имеющая грамматических запретов, мешающих «прийти и обжиться» в этой области любому слову (Панов 1999, 165), и аргументы, приводимые в защиту этой точки зрения, весьма убедительны. Однако изучение особенностей русских отглагольных имен действия заставляет сомневаться в такой «неотмеченности» и полной «открытости» существительного, поскольку обнаруживает весьма заметные несоответствия и последовательные ограничения. По нашим подсчетам, глаголов в русском языке по данным Большого академического словаря около 33-х тысяч (с учетом залоговых и видовых форм), а отглагольных имен со значением действия — всего 5500 единиц. Для русских отглагольных имен характерна утрата ряда категориальных значений (вида, времени, залога, лица и др.). Заметим, что даже лингвисты, занимающие радикальную позицию и причисляющие русский девербатив к формам глагола, признают отсутствие у него грамматического времени и модальности: «Девербатив как субстантивная форма глагола объективирует в сознании глагольный признак безотносительно к модально-временным его проявлениям [...]»

именах также сильно нейтрализована и лишена статуса грамматической категории. Несмотря на многие — иногда успешные — попытки поиска в русских девербативах имплицитных глагольных значений вида, залога и др., редуцирование глагольных категорий в именах действия очевидно, см. примеры ниже.

Утрата залоговых значений:

(13) Вы что же, по-прежнему и на математическом и в театре? — спросил Зыбин. — Редкое совмещение (Лебедеико) = Такое редко совмещают = Такое редко совмещается.

Утрата видовых значений:

(14) На «Марате» готовились к высадке, с мостика слышалась громкая команда капитана (Никитин) = готовились высадиться = готовились высаживаться.

Таким образом, следует признать, что в русском языке выбор именной формы выражения действия неизбежно сопровождается значительным редуцированием глагольной семантики. В польском языке, как известно, отглагольные имена сохраняют больше глагольных значений: вид, залог, возвратность, основное управление, способность иметь обстоятельства. Но при этом, заметим, и прагматические параметры выражены менее ярко: поскольку девербативы в польском языке гораздо более регулярны, чем в русском, их употребление не столь «прагматично» — они более привычны, более «нормальны» в речи, чем соответствующие образования в русском языке:

(15) Kto wydał rozkaz strzelania? — Кто приказал стрелять? — *Кто отдал приказ стреляния (стрельбы)?

(16) Bieglisłmy aż do wyschnięcia — Мы бежали, пока не высохли. — *Мы бежали аж до высыхания.

Это подтверждается и количественным анализом переводов польских текстов, содержащих отглагольные имена действия, на русский язык: по данным Ю. Федоровой, только половина отглагольных имен (47,4%) переводится на русский язык аналогичными отглагольными образованиями. В остальных случаях переводчик избирает инфинитив (20%), личные формы глагола (6%), причастия и деепричастия (5%) и другие способы перевода (Федорова 2006).

При этом, несмотря на большую «привычность» и распространенность, имя действия в польском языке несет прагматическую нагрузку, но на ином уровне — в плоскости стилистики. Это наглядно продемонстрировали М. Корытковская и В. Малджиева, проанализировав абсолютное количественное соотношение глагольных форм и отглагольных имен действия (причем только тех, которые являются результатом номинализации предиката)

ska/Maldziewa 2002, 160-163). Результат оказался настолько интригующим, что мы провели аналогичный анализ на материале русских текстов разных стилей. Сравнительная информация по обоим языкам представлена в таблице ниже. Для наглядности в ней содержатся только процентные данные.

Стиль текста	Количество глаголов		Количество девербативов	
	Польский язык	Русский язык	Польский язык	Русский язык
Художественный	89%	90%	11%	10%
Публицистический	71,5%	78%	28,4%	22%
Научный	54%	76%	45%	24%
Официально-деловой	32,2%	60%	67,7%	40%

Исходя из приведенных количественных данных, можно утверждать, что оба языка демонстрируют очевидную динамику частотности девербативов в зависимости от стиля текста — от наименьшей (10% и 11%) в художественном до наибольшей (40% и 67,7%) в официально-деловом. Для книжных стилей вообще характерно использование средств не первого порядка, а степень частотности отглагольных имен действия в разных типах текстов можно считать одной из определяющих особенностей функциональных стилей как в польском, так в русском языках — и в этом реализуется прагматический потенциал имени действия. В то же время совершенно очевидно количественное отличие: в научном и официально-деловом стилях польского языка заметно больше девербативов, чем в соответствующих текстах русского языка (на 20% и 27,7%). Это свидетельствует о большей привычности номинализации для носителя польского языка, ее большей «обычности», а следовательно, ее менее выраженной прагматике. Сохраняя большой семантический потенциал, польское имя действия остается гораздо ближе к глаголу и не приобретает таких ярких прагматических свойств, как русский девербатив. В свою очередь, русское отглагольное имя, имея более ограниченный семантический потенциал, менее частотно, более заметно в тексте, обладает более сильной прагматикой.

Таким образом, результаты проведенного исследования свойств русских и польских отглагольных имен действия подтверждают мысль о том, что семантические и прагматические параметры языковых единиц находятся в определенном сбалансированном соотношении: сужение, обеднение семантики приводит к усилению прагматического компонента. В общем, на-

смысле, что семантика и прагматика в общем случае должны соотноситься определенным образом, — в реальности конфигурации этих соотношений могут от языка к языку очень варьировать, а следовательно — могут быть в то же время и выразительными характеристиками отдельных языков. А спор о первенстве в разных языках и в разных подсистемах языков решается по-разному.

Литература

- БЕРГЕЛЬСОН, М. Б./КИРИК, А. Е. (1981), Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка. В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 40/IV, 343-355.
- JĘDRZEJKO, E. (1993), Nominalizacje w systemie i w tekstach współczesnej polszczyzny. Katowice.
- JĘDRZEJKO, E. (2011), Teoretyczne problemy nominalizacji. Przegląd ujęć i propozycji metodologicznych. W: <http://www.lingwistyka.uni.wroc.pl/jk/JK-08/JK08-jedrzejko.pdf>
- KORYTKOWSKA, M./MALDŹIEWA, W. (2002), Od zdania złożonego do zdania pojedynczego (nominalizacja argumentu propozycjonalnego w języku polskim i bułgarskim). Toruń.
- ПАНОВ, М. В. (1999), Позиционная морфология русского языка. Москва.
- РЕМЧУКОВА, Е. Н. (1997), Понятие транспозиции, ее разновидности и функции в современной русском языке (КЛЯ, разговорная речь и поэтический язык). В: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. I. Тарту [б.н.с.].
- ШАРАНДИН, А. Л. (2001), Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. Тамбов.
- ФЕДОРОВА, Ю. Н. (2006), Семантика глагольного имени в польском и русском языках (рукопись). Пермь.